

В мире любого живого существа слова — самое грозное оружие. Не нужно драться не на жизнь, а на смерть, не нужно скалить зубы или выпускать когти. Достаточно пары брошенных вскользь, небрежных фраз, чтобы безжалостно, без единой капли крови ранить незащищенных зверьков в самое сердце.

Изнаненные, они всё же решились — благодаря поддержке Шигуя и Мякиша, того самого трёхцветного малыша, которого уже не было в живых. Они попытались забыть горькое прошлое, перешагнуть через страх и недоверие. Осторожно, замирая от волнения, они потянулись навстречу людям, робко надеясь обрести новый дом и любящих хозяев.

Зверьки изо всех сил старались понравиться. Они показывали всё лучшее, что в них осталось: смотрели преданно и сияюще, умильно складывали лапки, подставляли пушистые бока. Они открывали людям свои чистые, доверчивые сердца, но те лишь брезгливо отворачивались.

— Мякиш говорил, что люди полюбят меня, даже если у меня останутся всего две лапки, — тихо пролепетал Бутончик. — А у меня теперь только одна... Вот всё и не совпало. Наверное, поэтому я никому не нужен. Надо было лучше беречь ту, вторую лапку.

Этот крошечный чёрный комочек винил во всём только себя. Он лепетал эти наивные, ранящие душу слова, а в его памяти снова оживал кошмар: жестокая чёрная кошка, которая медленно, лапу за лапой, вырывала из его тела суставы. Бутончик помнил, как перед его глазами лежали окровавленные, ещё подрагивающие обрубки. Он смотрел на них тогда и ничего не чувствовал — шок полностью заглушил боль, сделав изувеченные лапки чужими, словно они принадлежали кому-то другому.

— Сяо Цзюй всегда твердил, что раз я здоров, то обязательно найду самого лучшего, самого доброго хозяина, — Обезьянка, забавный разноцветный свинок с вытянутой мордочкой, обхватил голову лапками. — Но я ведь... я ведь и правда уродец. Разве пустят меня такого в Парк морских свинок? Эх, лучше бы в тот день погиб я, такой страшный и неказистый, а не красавец Сяо Цзюй! Люди бы точно влюбились в его шёлковую шерстку и круглые щёчки.

Малыш отчаянно прятал мордочку, не желая, чтобы кто-то — ни люди, ни сородичи — видел его слёзы и нелепый, смешной вид.

Прежде Обезьянка отличался неуёмным жизнелюбием — казалось, само слово «веселье» придумали специально для этого пёстрого непоседы. Но теперь его задор угас. Грудь сдавило от глухой тоски. Перед глазами снова стоял образ трёхлапного товарища, лежащего на земле с разорванным брюшком. Тот из последних сил старался улыбаться, подбадривая выживших: «Вы, здоровяки, точно понравитесь людям больше, чем мы, калеки...»

«Люди не полюбят меня. Им подавай и здоровых, и красивых... А во мне из хорошего только здоровье. На мордочку я совсем не вышел...»

Он родился у торговца-живодёра. Собратьев одного за другим разбирали покупатели, а его, нескладного и не подошедшего под людские стандарты красоты, хозяин лишь осыпал пинками

и проклятиями. В конце концов за гроши продал устроителям жестокой «Охоты злых кошек». Лишь когда его спас Шигуй — отважный жёлто-белый свинок, — израненная душа Обезьянки оттаяла. Он поверил в лучшее, стал мечтать о любящем доме. Но мечты разбились вдребезги о суровую реальность.

— У меня нет ничего, кроме пушистой шубки, — сокрушался Вихрь, судорожно пытаясь сорвать лапками нацепленный на шею бантик. — Но людям и этого мало. Что со мной будет? Нас снова выбросят на улицу? Неужели меня опять бросят?.. Хотя как меня могут бросить во второй раз, если у меня даже первого хозяина нет?

Зверёк остервенело грыз и рвал ткань, пока не выдрал на шее клочок шерсти. Вся его вчерашняя гордость и радостное предвкушение сменились жгучей обидой и унижением.

А ведь ещё минувшей ночью он впервые в жизни спал на спине, раскинув лапки, — только бы не помять праздничный бант. Боялся сделать лишнее движение. Теперь же этот несчастный бантик лежал в пыли, а вместе с ним в бездну рухнули последние надежды. Разбитое сердце уже невозможно было собрать по кусочкам.

Из тридцати спасённых грызунов здоровыми были от силы десятков. Остальные двадцать носили на себе страшные следы увечий. У кого-то не хватало лапки, у кого-то двух или трёх, некоторые вообще не могли ходить. Без ушей, без хвостов, с обезображенными мордочками, ослепшие на один глаз или лишившиеся носа — у каждого калеки была своя, полная боли история.

Запуганные зверьки забились поглубже в тёплые мягкие домики. Изредка кто-то из них робко, со страхом выглядывал наружу одним глазком и тут же прятался обратно. Они сжались, словно натянутые пружины — любой шорох, любое резкое движение повергали их в глухую, беспросветную панику.

Какая же страшная, разрушительная сила таится в словах. Всего несколько мимолётных, брезгливых фраз — и несчастные животные лишились последней воли к жизни, превратившись в безмолвные тени самих себя.

— Р-р-ав! Вуф-вуф! — Уголёк, крупный чёрный пёс, стрелой метнулся вперёд и перегородил дорогу женщине по имени Чжан Ли, оскалив клыки и глухо, угрожающе зарычав.

— Гав! Гав! Гав! — не отставал самоед Камешек. Он сейчас дышал яростью; он грозно залаял, подступая к обидчице.

Шигуй, взъерошенный от гнева, сидел на спине Уголька. Из его маленького горлышка вырывалось яростное шипение: «Фы-фы-фы!» Он так неистово скрежетал зубами, что этот сухой костяной звук, казалось, вибрировал во всём его теле и отдавался эхом от пола.

Рядом на задние лапки поднялся серый длинношёрстный Сяо Хуэй. Он возмущённо заверещал, призывая сородичей к порядку и сыпля ругательствами на своём свинячем языке.

— Паршивка! Не смей оскорблять моих друзей! — Сяо Хэй, преспокойно сидевший до этого на ладони Чжан Ли, внезапно извернулся и мёртвой хваткой вцепился ей в руку.

Острые резцы, способные разгрызть прочнейшие деревянные бруски, глубоко вонзились в холёную, пахнущую дорогим парфюмом, но гнилую внутри плоть. Из раны хлынула алая кровь, тонкими струйками стекая по подбородку и лапкам отважного мстителя.

Сяо Хэй был вне себя от ярости. Ведь остальные свинки искренне желали ему счастья! Они ничуть не обиделись на то, что здоровому Сяо Хэю достался первый шанс предстать перед гостьей, и дружно подбадривали его.

И как же отплатило им это двуногое существо, ради которого они перешагнули через свои страхи? Вылило ушат помоев на их израненные души!

— А-а-а! Помогите! — взвизгнула Чжан Ли.

Дико заорав, она изо всей силы швырнула грызуна на пол. Но Сяо Хэй держался до последнего и, разжав челюсти лишь в воздухе, вырвал из её ладони приличный кусок кожи.

— Тварь бешеная! — вопила женщина, зажимая рану. — С ума сошёл, ублюдок?!

Малыш летел спиной вниз, рискуя разбиться насмерть о каменные плиты, но Камешек среагировал мгновенно. Самоед подставил свою широкую пушистую спину. Сяо Хэй мягко приземлился в густой белоснежный мех и скатился на пол целым и невредимым.

Два свирепых пса и троица разъярённых грызунов мгновенно взяли Чжан Ли в плотное кольцо. Они кружили вокруг неё, отрезая любые пути к отступлению.

Маленькие мстители поднялись на задние лапки и, воинственно размахивая передними, сыпали проклятиями, а огромные псы вторили им раскатистым лаем и глухим, леденящим душу рыком.

— Твари неблагодарные! — злобно выплёвывала слова Чжан Ли, баюкая окровавленную ладонь. — Я ведь его выбрать хотела! Дома клетку шикарную купила, корма премиального, лакомств набрала... А ты набросился, скотина бешеная! Зря только время на эту дурацкую анкету тратила. Да проще в любом зоомагазине нормального, красивого хомяка купить, чем возиться с вами! Правду люди говорят: от этих забитых калек одни проблемы, у них у всех крыша поехала после живодёрен!

Она искренне не понимала, в чём её вина. Она ведь потенциальная хозяйка! Имеет полное право выбирать товар по вкусу. Уж своего-то питомца она бы холила и лелеяла. Но эти дикари...

— Если бы не этот пафосный отбор от «Вэйши Групп», я бы на порог этого приюта не ступила! — фыркнула она. — Ладно, этого бешеного я брать не буду. Посмотрю других, здоровых.

С этими словами она попыталась обойти рычащих собак и протиснуться к вольерам.

— Пошла вон! Нам не нужна хозяйка, которая оскорбляет моих друзей! — крикнул Сяо Хэй, сжавшись в комок от злости и обиды за товарищей. — Жирный ноль тебе за собеседование! Катись к чёрту!

— Бутончик, Обезьянка, Сяо Хун... не слушайте эту дрянь! — Шигуй соскочил со спины овчарки и подбежал к погружившимся в уныние друзьям. — Вы ведь сами доверили мне выбор хозяев? Так вот: этот человек нам не подходит! Сейчас я приведу своего хозяина, он спустит с неё шкуру!

Он выразительно переглянулся с Угольком и Сяо Хуэем.

— Не сомневайся, я её не выпущу, — глухо отозвался Уголёк.

Овчарка и самоед синхронно сделали шаг вперёд, преграждая Чжан Ли дорогу к клеткам мёртвой стеной.

— И я прикрою, беги! — серый Сяо Хуэй воинственно застучал лапками по груди.

Остальные здоровые зверьки дружно попятились вглубь вольеров, демонстративно отворачиваясь от несостоявшейся хозяйки. Они плотной стеной встали на защиту своих покалеченных братьев, грозно свистя и сверкая глазами.

Шигуй со всех ног бросился к выходу. С разбегу прыгнув на замаскированную в полу кнопку вызова, он дождался тихого мелодичного звонка и юркнул в открывшиеся створки лифта для морских свинок.

В просторном кабинете царил ледяной безмолвие. За массивным столом сидел Вэй Ци. Его безупречный дорогой костюм сидел как влитой. Мужчина меланхолично постукивал дорогой перьевой ручкой по столешнице, слушая очередной доклад через экран монитора. Члены совета директоров на том конце видеосвязи буквально дрожали от страха под его холодным и недовольным взглядом.

Напряжение достигло предела. Казалось, тишину в комнате можно резать ножом — даже через динамики было слышно прерывистое, испуганное дыхание топ-менеджеров.

Раздался негромкий щелчок — открылась эксклюзивная дверца для морских свинок внизу стены. Вэй Ци повернул голову. На пороге показался жёлто-белый Шигуй. Малыш нёсся к нему на всех парах, уморительно подрагивая ушками. Белая шёрстка на его мордочке слегка

запылилась, а круглые бока вздымались от яростного сопения.

Ледяная маска на лице Вэй Ци мгновенно растаяла. Он посмотрел на питомца с теплотой.

— И кто же у нас тут так грозно сопит? — негромко спросил он с мягкой усмешкой. — Кто посмел обидеть моего грозного защитника?

Атмосфера в кабинете разрядилась в ту же секунду. По ту сторону экрана вице-президенты шумно выдохнули и принялись тайком утирать пот со лбов. Они понятия не имели, кто спас их от неминуемой кары, но мысленно возносили этому неведомому спасителю самые горячие благодарности.

— Совсем ты меня забросил, Шигуй, — притворно вздохнул Вэй Ци. Он смотрел на него с нежностью. — Всё время проводишь со своими новыми друзьями. Если бы я сам к тебе не заглядывал, ты бы, наверное, и не вспомнил, что у тебя есть хозяин.

Он бережно подхватил зверька на руки и принялся осторожно смахивать пылинки с его шёлковой шерсти.

Жёлто-белый проказник снова обрёл свой безупречно чистый вид.

— Уи-уи-уи! — нетерпеливо заверещал Шигуй.

Ему было не до нежностей. Он завертелся юлой в ладонях хозяина, настойчиво кивая мордочкой в сторону двери и всем видом показывая: «Скорее! Пошли со мной!»

«Быстрее! Скорее пошли к Бутончику и остальным!»

— Что-то случилось? — Вэй Ци нахмурился, мгновенно уловив тревогу питомца. — Веди, я за тобой.

Поставив Шигуя на пол, он размашистым шагом направился вслед за стремительно убегающим зверьком.

Приют для морских свинок

В комнате для собеседований стоял оглушительный гул. Проводящий отбор специалист в строгих очках ледяным тоном отчитывал побелевшую от злости Чжан Ли. За его спиной, в своих вольерах, притихли испуганные грызуны. В помещении повисла гнетущая тишина.

Но стоило дверям распахнуться и на пороге показаться Вэй Ци с жёлто-белым Шигуем на

руках, как вся спесь с интервьюера мгновенно слетела. Его лицо исказилось от ужаса. Допустить подобный скандал в самый первый день отбора — это был сокрушительный провал, за который придётся платить головой.

— Господин Вэй, простите... умоляю, простите! — заикаясь от страха, запричитал мужчина. — Это моя, исключительно моя оплошность! Я недоглядел, не распознал истинные намерения этой кандидатки...

Вэй Ци не произнёс ни слова. Он ласково баюкал Шигуя, чьи глаза-бусины гневно поблескивали. Но когда глава корпорации поднял взгляд на интервьюера и застывшую Чжан Ли, воздух в комнате словно заledenел. Его взор напоминал бездонную чёрную пропасть — холодный, пронзительный, готовый стереть в порошок любого, кто посмеет встать на его пути.

— Господин Вэй! Я ни в чём не виновата! — запричитала Чжан Ли, завидев легендарного главу «Вэйши Груп», при одном упоминании имени которого трепетал весь деловой мир города S. — Я просто хотела выбрать другого питомца, а эта дикая тварь на меня набросилась! Посмотрите, она мне руку прокусила!..

Она судорожно протянула окровавленную ладонь, надеясь вызвать жалость, но её лепет прервался на полуслове.

В ту же секунду из-за спины Вэй Ци беззвучно выступили двое дюжих телохранителей. Одному из них хватило одного движения, чтобы намертво зажать женщине рот широкой ладонью. Охранники мёртвой хваткой зафиксировали Чжан Ли и поволокли к выходу. Та отчаянно брыкалась и мычала, но не смогла даже пошевелиться в их железных тисках.

Вэй Ци повернулся к дрожащему сотруднику. Его голос зазвучал негромко, бархатисто и пугающе спокойно:

— Позаботьтесь о том, чтобы эта особа больше никогда не появлялась на территории объектов «Вэйши Груп». Ни в качестве клиента, ни под каким-либо другим предлогом.

— Будет исполнено, господин Вэй, — низко склонил голову перепуганный менеджер.

Злая женщина ушла, унося с собой шлейф дешёвых духов и фальши, но в приюте по-прежнему царил гнетущее молчание. Больше не слышалось заливистого весёлого свиста, никто не издавал умильных птичьих трелей. Лишь из тёмных глубин вольеров доносился едва различимый, горький скрежет крошечных зубов.